

АЛАДДИН ЯГУБОВ

Помню

Памяти Е. Евтушенко

Помню: «белые снега»
заметают дома.
Помню: в прожитом веке –
полустанок «Зима».
За разбитой калиткой
возле дома стою,
И читаю молитву
монотонно свою.
Все, что было, припомню,
пышет памяти жар:
кровью залитый стонет
на заре Бабий Яр.
Помню сырость бушлата
и заснеженный лес,
песни друга Булата,
помню Братскую ГЭС.
Помню запахи дыма
прошлогодней травы...
Все, что было любимо –
в прошлом где-то, увы.
Помню славу, опалу,
пряник лести и плеть,
как под «скрипы хорала»
кралась тихая смерть...
Помню, били нещадно,
а потом – ордена.
В чаде брани площадной
разбежалась страна.
Память болью и стоном
разрывает мне грудь,
и звонарь перезвоном
торит в вечное путь.
Помню всё и шагаю
за последнюю дверь.
Постоять бы у края
и узнать:
«Что теперь?..»

Осенние стихи

Все отчетливее проседь,
Все печальнее глаза.
Холоднее стала осень,
Мерзнет голая лоза.
Виноград собрали к сроку,
Зреет доброе вино.
Только мне вот одиноко –
Рядом друга нет давно.

Бьет по клавишам нещадно
Фрак напяливший тапер.
Заменили нынче чаты
Нам душевный разговор.
Об ушедшем, о прекрасном,
Разве вспомнит кто теперь?..
Может, друг мой не напрасно
За собой захлопнул дверь?

И опять ведут нас строем
К светлым целям – тверже шаг!..
Мы опять чего-то строим,
Что не строится никак.
Осень стала холоднее,
Стелет сыростью туман.
Может, друг мой был мудрее,
Улетев за океан?..

Все отчетливее проседь,
Все белее голова.
Лет моих кружится россыпь,
Как осенняя листва.
Ангел, к нам слетевший с неба,
К моему припал плечу.
Значит к другу, где бы не был,
Я когда-то прилечу!..

Мой путь

Клубок дорог – клубок опасных змей –
судьба рисует кистью на картине.
Какой идти?.. И где мой Моисей,
что проведет меня через пустыню?..
Бездрушный, нескончаемый песок
вздыхает тучей надо мною ветер.
Хоть бейся лбом, хоть прострели висок –
пройдут, смеясь, и даже не заметят.
Потомок гуннов, наводивших страх
на цезарей, купавшихся во злате,
сегодня я в расплавленных песках
в изодранном гиенами халате.

Считая день за днем промером миль,
иду, пытаюсь одолеть барханы,
Сочится кровь, кружится пеплом пыль
и покрывает слоем грязи раны.
Как не упасть, как стать себя сильней,
сбрав всю волю одолеть дорогу?
Не виден в той пустыне Моисей,
а фараонов, как ни странно, много!..

Театр

Все непросто. Все очень непросто.
Через нерв, через плач, через боль...
От рожденья идем до погоста
И для каждого выбрана роль.

Кто-то Датского принца играет,
Кто-то – бледную тень короля.
Жизнь – театр, от края до края,
Наша сцена – старушка Земля.

Мы – актеры, премьеры, статисты
В балагане мирской суеты.
Выход каждого Богом расписан
До финальной последней черты.

Водевили, трагедии, фарсы.
Без премьер и дебютов – ни дня!..
То венчают кого-то на царство,
То – полцарства в обмен на коня.

Судьбы наши невидимо свиты,
Мельпомена на роли щедря.
Раскалятся за рампой софиты,
И продолжится эта игра.

Трубадуры поют, лознгрины,
Замирает на выдохе зал.
В белых пачках парят балерины,
Кто-то с ядом пригубит бокал.

Все непросто, все спутано прочно.
Сгустком в венах пульсирует кровь.
И себя разрывая на клочья,
Мы играем и смерть, и любовь.

Переплет

Упрятан в книжный переплет
Души израненной полет.
Стихи – как будто стая птиц
В плену спрессованных страниц.

Стихи?..
Кому они нужны?
Другие ценности важны.
Важнее сладкий звон монет,
В кармане банковский билет.
А книги?..
Книги – это блажь.
Куда практичнее гараж,
А в нем престижное авто.
Жена в шиншиловом манто.
Супруг в костюме от «Версаче» –
И только так и не иначе!..
Пусть же книжный переплет
В пыли на полке догниет –
Владельцам гибких поясиц,
Не до спрессованных страниц.

Исповедь труса

Мне бы силу, мне бы волю
Разорвать порочный круг.
Мне бы вновь на это поле,
Где остался верный друг.

Где я мог его собою
Заслонить, закрыть, сберечь!..
Но бежал я с поля боя,
Где гулял кровавый смерч.

И всю ночь в навозной яме,
Вспоминая всех святых,
Я в моем постыдном «храме»
Был живее всех живых.

А наутро перед строем,
Через слезы, через мат
Называл меня героем
Весь израненный комбат.

Мне бы силу, мне бы волю
Быть храбрее на войне –
Только Бог послал мне долю
Врать о подвигах жене...

Просыпаться с диким воем,
От того, что в сон мой вдруг,
Улыбаясь, после боя
Заглянул убитый друг.

Мне бы силу, мне бы волю,
Смыть с себя порочный срам.
Мне бы вновь рвануть по полю
И остаться с другом – там...

Можно

Можно дом подпалить, можно деньги украсть,
За игрою схитрить, карту бросив не в масть.
Можно просто молчать, можно лезть на рожон.
«Брат мой!..» – утром сказать,
ночью – в спину ножом.
Можно Каином быть, да и Брутом – не грех.
Притаившись, убить, прорываясь наверх.
Можно свечкой своей церковь лихо поджечь,
Чтобы в церкви другой не жалеть новых свеч,
У иконы молясь, отпущенья просить –
Чтобы снова украсть, чтобы снова убить.
Можно, можно и можно – всё дозволено нам.
Только кто-то тревожно
бьет в зловещий «там-там»,
Страха дробь отбивая, мраком бездны грозя...
Отступит бы от края и вернуться в «НЕЛЬЗЯ»!..

XX век

XX век прошел и канул –
каким запомнил я его?..
Глубокой ножевой раной,
граненым водочным стаканом,
нагрудным знаком ГТО.
Клоповым запахом гостиниц,
звездой рубиновой Кремля,
страной, похожей на эсминец,
и течью горе-корабля.
Квартирой – «двушкой» в «хрущёвке»
с комодом, плюшевым диваном,
с соседом нашим, партизаном,
висящим в старенькой кладовке
на мыльной бельевои веревке...
37-ым. Расстрелом деда.
Войной, страшной которой нет,
отцом, вернувшимся с Победой,
простив «Усатому» все беды,
ему желая долгих лет.
С ударным маршем пятилеток,
Генсеком «вечно молодым»,
раздачей грозных черных меток
всем тем, кто был хоть в чем иным...

...XX век как в воду канул
под черным знаком Сатаны.
Растаял в сумерках туманом
одной исчезнувшей страны.

Романс

Приготовь мне отвар от печали сердечной,
Чтобы все позабыть пережитое мной.
Чтоб на станции той, что зовется конечной,
Все обиды свалить багажом за спиной.

Застели мне постель простынёй белоснежной,
Чай горячий налей с самоварным дымком.
Будь, как прежде, со мной удивительно нежной –
Будь сегодня, сейчас, а не «завтра»... «потом»...

Затопи мне камин, чтобы мог я согреться,
Почитай мне стихи в эту лунную ночь.
Пусть, услышав тебя, успокоится сердце,
Отгоняя беду светлой рифмою прочь.

Приготовь эликсира, волшебной настойки
Из цветов луговых, грудь мне ею натри.
И рассветным лучом, словно тонкой иголкой,
Рану в сердце стяни нитью новой зари.

Сделай так, как прошу, подари мне надежду.
Бесконечной не может быть эта игра.
Я устал находиться подвешенным между
Тем, что будет потом, тем, что было вчера.

Я хочу, чтоб сегодня мое не кончалось.
Я хочу слушать в дождь шелест мокрых осин...
Подари мне надежду –
хоть самую малость:
Почитай мне стихи, затопи мне камин.

